

ТАРИХ ФАНЛАРИ

РУСЬ МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО ПОСЛЕ ЛЕДОВОГО ПОБОИЩА

Долгов В. В.,
Удмуртский государственный университет.
E-mail: dolgov@udm.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию спорных моментов политики Александра Невского во второй период его политической деятельности. После Ледового побоища князь Александр не имел возможности решать военно-политические проблемы при помощи военной силы. Для сохранения Руси как государства и личной власти он вынужден был находить баланс между Западом и Востоком. Князь делал осторожные попытки договориться о поддержке с римским папой. Кроме того, татарская угроза обусловила необходимость договариваться с ордынскими правителями. Дипломатические усилия князя рассматриваются некоторыми историками как проявление беспринципности. Автор приходит к выводу, что в своих внешнеполитических комбинациях князь проявлял себя как осторожный рациональный политик. Контакты с папой были оборваны, когда стало ясно, что военная помощь не будет предоставлена. В сношения с ордынскими правителями Александр вступил по необходимости только тогда, когда подошла его очередь и избежать поездки в Орду стало невозможно. Благодаря деятельности Александра Русь сохранила относительную независимость и получила шанс для дальнейшего развития.

Ключевые слова: Русь, Орда, монголо-татарское иго, Александр Невский, Гююк, папы Иннокентий IV

RUSSIA BETWEEN THE WEST AND THE EAST. FOREIGN POLICY OF ALEXANDER NEVSKY AFTER THE BATTLE OF THE ICE

Dolgov V. V.
Udmurt State university

Abstract. The article is devoted to the study of controversial issues of the policy of Alexander Nevsky in the second period of his political activity. After the Battle of the Ice, Prince Alexander was not able to solve military-political problems with the help of military force. Prince Alexander kept a balance between East and West to protect Russia and retain personal power. The prince made cautious attempts to negotiate support with the pope. In addition, the Tatar threat made it necessary to negotiate with the Horde rulers. Some historians view the diplomacy of the prince as an unprincipled policy. The author concludes that in his foreign policy combinations the prince showed himself as a cautious rational politician. Alexander developed contact with the pope when it became clear that the pope would not provide military assistance. In relations with the Horde rulers, Alexander ascended only when it was not possible to avoid relations. Thanks to the activities of Alexander, Russia retained relative independence and got a chance for further development.

Keywords: Russia, Horde, Mongol-Tatar yoke, Alexander Nevsky, Guyuk, Pope Innocent IV

Александр Невский – один из самых противоречивых деятелей эпохи русского средневековья. Способность решать сложные «политические уравнения» сникала князю уважение современников и потомков. Однако это же его качество стало причиной обвинений в бес-

принципности и даже предательстве интересов Руси. Особенно много споров вызывает второй период его политической деятельности, когда лихие сечи были позади, и князь оказался перед необходимостью заниматься существенно более тяжелыми проблемами. Во-первых, нужно было так выстроить отношения с ордынскими властями, чтобы свести к минимуму отрицательные последствия установившегося ига. Во-вторых, необходимо было оценить, насколько реальны перспективы привлечения сил католической Европы к борьбе против степной угрозы.

Обратимся для этого к посланиям римского папы Иннокентия IV к князю Александру. Посланий сохранилось два. Первое – начальное. На него последовал ответ князя, который, увы, не сохранился. Затем второе – ответ на ответ. Письма папы сохранились благодаря наличию вторых экземпляров, которые сохранились в архивах. Очевидно, и письмо князя было помещено в архив. Но это, надо полагать, был оперативный архив текущих бумаг, который, увы, был утрачен. Зато сложенные на дальнейшее и долгое хранение папские письма по счастью уцелели и дошли до нас.

Таки образом, мы имеем возможность взглянуть на ситуацию с двух сторон. Благодаря «Житию» нам доступен русский взгляд, а благодаря письмам – римский.

Взгляды эти существенно разнятся. В «Житии Александра Невского» исход встречи показан как безусловный отказ князя от какого бы то ни было сотрудничества с папой. Автор житийного текста влагает в уста князю гордую речь. Князь перечисляет основные вехи священной истории для того, чтобы показать, что он вполне осведомлен о христианском взгляде на развитие человечества, и поэтому не нуждается в принятии нового учения (Житие Александра Невского, 366–368). Послы вынуждены возвратиться восвояси.

Если в «Житии» Александр решительно отказывается от сотрудничества, то его позиция, обозначенная в папских посланиях, выглядит совсем иначе. Важно, что в посланиях очень детально проговаривается не столько позиция автора, сколько, как ни странно, позиция адресата.

В первом послании папа обращается к князю, называя его благородным герцогом Суздальским. Титул герцога – это, конечно, высокий титул, однако не высший. Из письма выясняется, что, по мнению папы, отец Ярослава перед смертью принял католичество. В связи с этим, папа приглашает Александра последовать «примеру отца», аккуратно намекая, кто в случае признания власти папы, силы Тевтонского ордена могут быть направлены на помощь против татар.

Казалось бы, послание должно внести существенные коррективы в наши представления о церковно-политической ситуации в северо-восточной Руси. Принявший католичество великий князь Владимирский – это серьезно. Почему же никто из историков не спешит вносить изменения в привычную концепцию развития отношений Руси с папским престолом?

Дело в том, что Иннокентий IV указал источник сведений о крещении князя – это сообщение Иоанна де Пано Карпини (Послание папы Иннокентия IV, 264). Между тем, упомянутый Иоанн оставил подробнейшее описание своего путешествия, в котором не упоминает ни словом о таком крещении. По мнению В. И. Матузовой и Е. А. Назарова, в своем донесении о результатах дипломатической миссии посол преувеличил свои успехи. Но не стал этого делать в произведении, написанном для потомков (Матузова, Назарова 2002, 266). То есть папа не располагал всей полнотой информации о происходящем. Или, быть может, намеренно её искажал, чтобы освободить Александра от необходимости самому придумывать оправдание, если вдруг у него возникнет желание перейти в католичество.

Как воспринял Александр столь удивительную трактовку событий, и что конкретно ответил на это послание – не известно.

Однако можно сказать со значительной степенью уверенности, что князь не стал сходу отвергать предложение о переговорах. Откуда это известно? Очень просто – общение продолжилось и через некоторое время на Русь было отправлено второе послание. В нем папа весьма уважительно именует Александра «сиятельным королем Новгорода». Надо сказать, что в интонации второго послания чувствуются уже совершенно иные нотки. Иннокентий обращается к князю уже вполне уверенно. Папа представляет дело так, будто Александр уже принял католичество и привел своих подданных по эгиду престола Святого Петра. (Послание папы Иннокентия IV, 269–270).

Казалось бы, после столь нежной переписки между переговаривающимися сторонами должно наступить полное взаимопонимание и согласие. Тогда, конечно, житийный образ новгородского князя не имеет ничего общего с реальностью.

Но такой вывод был бы слишком поспешным. Для анализа этого противоречия нужно, во-первых, принять во внимание некоторую дезориентацию папы относительно реальных успехов католической проповеди на Руси, очевидную из первого послания. Отчасти из-за стремления агентов выглядеть лучше в глазах священноначалия, отчасти из-за дипломатического стремления самого папы представить отношения лучше, чем они есть на самом деле, тон посланий в своей оптимистичности вряд ли соответствовал реальному положению вещей.

Во-вторых, необходимо принять во внимание время, когда были написаны эти послания – 1248 год. В эту пору Александр находился в Орде, и был занят урегулированием других, гораздо более насущных и опасных проблем. Отвергать «мирные инициативы» папского престола, да еще сдобренные намеком на возможную военную помощь в таком положении не имело смысла.

В-третьих, и это, пожалуй, самое важное, ожидаемого продолжения начавшееся, казалось, успешно общение не имело. В отличие от Даниила Романовича Галицкого, дошедшего в своих отношениях с курией до венчания князя папскими легатами королевской короной, Александр Ярославич на последнее послание папы не ответил. Или в его ответе было что-то, что заставило папу прервать общение. Оптимизм понтифика оказался преждевременным. Отношения были полностью заморожены и более не возобновлялись.

Иначе развивались отношения папского престола с Даниилом Романовичем Галицким. В отличие от Александра, он согласился на предложение папы и принял в 1255 г. из рук его легатов королевскую корону (ПСРЛ 1998, 826–827), что фактически означало признание васальной зависимости. Однако военной помощи за этим не последовало. То есть, история в данном случае вполне допустила сослагательное наклонение. Пример Даниила ясно показывает, что могло дать Александру сотрудничество с Римским папой – собственно, ничего полезного.

Описанные события разворачиваются на фоне Батыева нашествия, которое обрушилось на Русь. Под 1238 г. летописец весьма детально описывает несчастья, постигшие русские княжества. Описывает он их с большим чувством, не как «заграничные известия», а как не-что, имеющее отношение к жизни всех русских людей и его самого. Однако, как известно, татаро-монголы до Новгорода не дошли. Поэтому уже следующий 1239 г. отмечен только рассказом о женитьбе князя и строительстве «городков» по р. Шелони, и вплоть до 1242 г. татарская тема в новгородской летописи не возникает. В 1242 г., в год Ледового побоища, Ярослав Всеволодович – отец Александра, взошедший на владимирский престол после гибели его старшего брата

Юрия, впервые едет в Орду – договариваться. И это ему удается. Ордынские власти признают его права на титул и власть.

С легкой руки Л. Н. Гумилева по умам пошла гулять выдумка о том, что Александр стал приемным сыном хана Батгя. Дж. Феннел, а вслед за ним и И. Н. Данилевский, А. С. Сахаров и пр. расценивают политику Ярослава и Александра как предательскую. Историки разрушают «пиитический миф», формируя представление об Александре как беспринципной фигуре. В самом общем виде эта точка зрения выглядит весьма убедительно: сотрудничество Александра с захватчиками-монголами – безусловный факт. Факт этот подводит нас к тому, чтобы считать князя вождем отечественных коллаборационистов, предателем, который воспользовался нашествием иноплеменных для своей корыстной пользы.

Однако эта точка зрения на деятельность князя, получив весьма широкую популярность, не стала, тем не менее, решающей. Почему? Вопрос неспроста. Конечно, первым приходит на ум версия, что причиной тому – все тот же неуместный в научном исследовании дурно понятый патриотизм. Читатель, увлеченный желанием разоблачить историков, занимающихся «лакировкой действительности», пожалуй, иного объяснения не найдет и до-водам противоположной точки зрения внять не сможет. Остальным же автор предлагает разобрать вопрос более детально.

Весьма удачную «деконструкцию деконструкции» провел А. А. Горский, показавший, что большая часть выводов «деконструкторов» не имеют достаточного источниковедческого и даже чисто логического обоснования.

Деконструкция № 1. Ярослав не помог Юрию в битве на р. Сити. Видимо, уже в 1238 году наладил отношения с Батгем, и планировал использовать эти отношения для достижения власти.

Деконструкция деконструкции № 1. А. А. Горский отмечает, что, прежде всего, совсем не факт, что до Ярослава дошло известие от Юрия о грядущей битве: путь из Суздальской земли на юг, в Киев, где в тот момент княжил Ярослав, был закрыт монголами. Вряд ли мон-голы могли допустить свободное обращение гонцов на подконтрольной им территории. Кроме того, даже если Ярослав получил известие, отреагировать на него адекватно у него не было возможности (Горский 2004, 208–209). То есть, даже если Ярослав знал об опасности, угрожающей брату Юрию, оказать деятельную поддержку ему он бы не смог.

На этом научную часть рассуждения следует остановить. Однако можно обратить внимание на некоторые сопутствующие моменты, не важные в академическом контексте, но привлекающие общее внимание широкой читающей публики. Из объяснений А. А. Горского неопровержимо следует, что помочь князю Юрию в битве против Батгя ни Ярослав, ни Александр не могли. Но их личное участие в битве во главе княжеской дружины вполне могло бы состояться! А раз так, то почему они не сделали этого?

Этот вопрос является ключевым для понимания «исторической мифологии» существующей в современном массовом сознании. Дело в том, что координаты восприятия истории в голове некоего усредненного «обычного человека» задаются отнюдь не исторической наукой. Гораздо больший вклад в нее вносит приключенческая литература, кинематограф и компьютерные игры (прежде всего, тактические шутеры, и стратегии). Причем, это даже далеко не всегда литература, кинематограф или игры, посвященный исторической проблематике. В контексте приключенческого «геймплея» герой обязательно должен действовать. Шевалье д'Артаньян обязательно должен отправиться за подвесками королевы, шотландец Уильям Уоллес обязательно должен вонзить нож в сердце английского шерифа, вожди Альянса все-

ленной Warcraft обязательно должны нападать на гоблинов Орды. Иначе не будет книги, фильма, игры. Реальные исторические фигуры по сложившемуся стереотипу оцениваются так же: если историческое лицо не доставило потомкам удовольствия историей своей романтической гибели, оно эмоционально воспринимается как «скучное», а с моральной точки зрения «недостаточно смелое, решительное, благородное и пр.»

Это, безусловно, ошибка восприятия. Потомкам, возможно, тоже будет скучно узнать, что уважаемый читатель проводил время над книгами, а не воевал с оружием в руках в горячих точках, не искал сказочные сокровища, а просто каждый день ходил на работу. Однако и им нужно будет вспомнить, что логика реальной жизни и логика реальной политики от логики романа отличаются. Проживая жизнь, невозможно сделать save. Это обстоятельство вредит занимательности её сюжета и яркости приключений. Но история – не роман. Историческая же реальность заключалась в том, что оказание помощи Юрию Всеволодичу в битве на р. Сити Ярославом и Александром было невозможно, а участие силами княжеских дружин – нерационально.

Деконструкция № 2. Александр воспользовался приходом монголов для захвата власти на Руси вне существовавшего порядка.

Деконструкция деконструкции № 2.

Никаких ощутимых династических предпочтений Александр от монголов не получил – вззошел на престол по надлежащей очереди. После смерти отца на владимирском великокняжеском престоле успели побывать дядя Святослав, брат Михаил Хоробрит и брат Андрей. Причем, оба брата были младше Александра. Если Александр и нарушил очередь, то лишь в том смысле, что свою очередь он пропустил.

Деконструкция № 3. Переписка Александра с папой Иннокентием – «предательство идеалов православия».

Деконструкция деконструкции № 3.

В данном случае речь идет об упомянутом выше письме Иннокентия Александру из которого возникает ощущение, что князь намеревался признать власть папы и принять католицизм. По мнению А. А. Горского, Александр действительно мог высказать папе готовность принять католичество в обмен на военную помощь. Но, совершив поездку в Орду, и оценив неудачный опыт Даниила Галицкого, идеи эти отставил. Кроме того, оживление католической активности в Прибалтике заставляли сомневаться в искренности папских намерений (Горский 2004, 217-218).

То есть, никаких результативных переговоров с папой Иннокентием IV Александр не вел, и как только стало ясно, что военная помощь крестоносцев не даст возможности освободить Русь от восточной напасти – всякое общение прекратил.

В общем, выяснилось, что Александр ни братьев, ни веры предков не предавал. Рати татарские на Русь не наводил. В общем, все оказалось «скучно». Александр «действовал как расчетливый, но не беспринципный политик», – резюмирует свои доводы А. А. Горский (Горский 2004, 223).

Итак, как Александр не уклонялся от поездки в логово врага, необходимость визита в Орду назрела. Важно отметить, что поездки в Сарай были чрезвычайно тяжелым делом. О том, какие трудности поджидали путешественника, пересекавшего из края в край евразийский континент, подробно написал в своем путевом отчете все тот же Иоанн де Плано Карпини (Джованни дель Плано Карпини). Путь до Каракорума на монгольских лошадях занимал едва ли не год. Путь был трудным, ибо пролегал по пустынным краям, где припас и ночлег

нельзя было найти даже за деньги. Но по достижении цели путешествия настоящие трудности только начинались. Плано Карпини описал печальную судьбу князя Ярослава – отца нашего героя. По словам итальянского путешественника, Ярослава принимали вставке с честью, лучше, чем других. Но затем ханская честь обернулась трагедией: князь был отравлен. (Плано Карпини. Дж. 1957, 78).

Умертвив отца, ханша звала к себе и сына – Александра, но тот не поехал. Об этом приглашении, и о намерении уморить и Александра мы узнаем из рассказа Плано Карпини. Впрочем, полной ясности нет. Приглашение приехать и последовавший отказ проанализированы А. А. Горским. В традиционном переводе, сделанном в 1911 году Александром Иустиновичем Малеиным приглашение исходит именно от Туракины. Но в самом латинском тексте подлежащего нет, и толкование текста зависит от одной буквы в местоимении. Какая буква была в оригинале – не известно. А. А. Горский отмечает, что в новейшем итальянском издании дана другая трактовка: местоимение взято в мужском роде «ad ipsum» («к нему»), и подставлено недостающее по смыслу подлежащее «imperator». То есть, теперь выходит так, что Александра в Орду приглашала не коварная ханша, а сам хан Гуюк. Казалось бы, какая разница, от кого исходило приглашение: от самого хана или от его мамы? Однако разница есть. Если приглашала Туракина-хатун, то ничего хорошего русского князя не ждало точно. Скорее всего, Александра постигла бы судьба его отца – Ярослава. Но если это был Гуюк, то схема становится несколько сложнее и интересней. Плано Карпини сообщал, кроме прочего, что присутствовал на военном совете, на котором Гуюк вполне недвусмысленно обозначил свое намерение устроить новый поход на Запад. Главной целью должны были стать страны, которые не были затронуты походом Чингисхана: Ливония и Пруссия. Впоследствии этим планами не суждено было реализоваться. Но намерение устроить такой поход было. Плано Карпини уведомил об этом римского папу. Перспектива нового монгольского нашествия, папу Иннокентия IV, конечно, напугала. Кроме того, беспокойства должно было добавить письмо самого Гуюка, выдержанное в весьма угрожающих формах.

Римский престол предпринял меры. Папа написал три послания: Даниилу Романовичу Галицкому, Александру Ярославичу, и магистру Тевтонского ордена с просьбой уведомить его о надвигающихся татарских полчищах. В связи с этим А. А. Горский выдвинул версию, что «смерть и вечный плен», о которых писал Карпини в отношении Александра означали не банальное отравление или взятие в заложники, а нечто иное. Согласно гипотезе Горского, Гуюк намеревался использовать князя Александра в качестве ударной силы в походе против Ливонии и Пруссии. Что было бы логично, учитывая, что в борьбе с этими противниками Александр уже добивался немалого успеха. В контексте этой версии, отказ Александра от поездки по приглашению Гуюка был воспринят папой Иннокентием IV как отказ вступить в деятельный союз с монголами. Возможно, именно этим объясняется весьма дружелюбный тон Иннокентия во втором послании Александру. По мнению А. А. Горского, папа был озабочен не столько обращением Александра в католичество, сколько надеждой доступными (небольшими, надо сказать) средствами отвратить князя от союза с монголо-татарами. Впрочем, и старания Гуюка, и хитрые расчёты Иннокентия в равной степени оказались тщетными. В своем политическом курсе Александр был трезвым прагматиком. Поскольку ситуация не требовала немедленно принять чью-либо сторону в назревающей противостоянии, то он дипломатично ушел из-под влияния обеих противоборствующих сил.

Как обычно, при общей стройности концепции, в ней есть уязвимые моменты. Во-первых, отказавшись от поездки в 1246 году, Александр едет к Гуюку в 1247. Вряд ли за год могли

произойти какие-то кардинальные изменения в воинственных планах монгольского хана. Если Александр не хотел становиться его марионеткой в 1246 году, то и в 1247 такого желания возникнуть не могло. Во-вторых, и это главное, всё, что мы знаем о нравах монгольских владык, заставляет сомневаться в том, что можно было без последствий игнорировать приглашение хана. Вообразить такой отказ все-таки проще, если приглашение следовало не от самого хана, а от его почтенной родительницы. Она, конечно, была женщиной авторитетной, но напрямую властью не обличенной.

То есть, и намерения Гуюка относительно Александра, и мотивы Иннокентия прямо ими высказаны не были, поэтому гипотеза остается гипотезой. Смерть и вечный плен, кото-рый, по словам Плано Карпини, грозили Александру, могут быть просто смертью и вечным пленом.

Так или иначе, поездки в Орду требовали от князя больше выдержки и личного мужества, чем лихая сеча. И, тем не менее, в 1247 г Александр и Андрей Ярославичи вынуждены был поехать – решалась судьба великокняжеского престола. Александр получил Киев и был объявлен формальным великим князем всея Руси, а Андрей – северо-восточную столицу – город Владимир. Поскольку после разрушения монголами Киев лежал в руинах, Александр своей резиденцией определил Новгород.

Дальнейшие события вызывают у историков споры. Фактическая сторона дела такова: в 1252 г. Александр едет «в татары», поездка эта была связана с тем, что к власти в Каракоруме пришел новый хан – Менгу, отменивший все указы, пайцзы, рескрипты и ярлыки своих предшественников (Карпов 2010, 164). Требовалось получить ярлык на княжение заново. Вернулся Александр, получив старейшинство (ПСРЛ 1997, 473).

В том же году летопись отмечает странный бунт его брата Андрея, о котором сказано так: «В то же лето здума Андрей князь Ярославич с своими бояры бегати, нежели царем служити и побеже в неведому землю». Ответом на бунт был карательный подход – известная «Неврюева рать». Татарский царевич Неврюй разгромил полки Андрея и тот вынужден был, в самом деле, бежать. Причем, убежал довольно далеко – в Швецию (ПСРЛ 1885, 138–139). Место подавшегося в бега брата занимает Александр – садится на Владимирский престол.

Как видим, на первый взгляд, наибольшую пользу из событий извлек именно Александр Ярославич, объединивший в своих руках власть над всей Русью. Это дало основание подозревать Александра в том, что «заказчиком» татарской рати был именно он. Однако при оценке названных событий следует учитывать, что пять лет спустя, в 1257 г., братья совместно едут в Орду, и в дальнейшем никакой враждебности друг к другу не проявляют. Вряд ли такое было возможно после грандиозного предательства.

Вероятней, что за нежеланием Андрея ехать в Орду стоял не бунт, а страх перед поездкой, которая могла кончиться плохо. Отказ от поездки тоже не сулил ничего хорошего. Для того чтобы Андрей уцелел, кто-то должен был «замолвить за него словечко» перед ордынскими властями. Кто это могут сделать? Только Александр.

В целом, второй период правления князя был посвящен решением проблем, которые требовали не просто воинской удали, а мужества иного рода: мужество терпения, выдержки, дипломатии и компромисса. Для чего нужно больше смелости: для того, чтобы врубиться во вражеский строй с мечом наголо, или для того, чтобы проводить годы в постоянной опасности получить непредсказуемый ханский гнев и яд в богатом угощении?

Сейчас нередко можно услышать обвинение Александра Невского в том, что с помощью татар утвердил на Руси свою власть. Использовал оккупантов в качестве инструмента для устранения конкурентов и «закручивания гаек». Эти обвинения высказываются в кон-

тексте «критического анализа» существующего «нарратива». Это, безусловно, верный исследовательский ход. Вопрос о целях князя в его сотрудничестве с татарами не пустой. Это сущностный вопрос, принципиально важный для понимания политических процессов на Руси эпохи татарского нашествия и формирующегося ига. Однако результаты проведенного анализа чаще всего истолковываются неверно, с нарушением логики: если в ходе анализа делается вывод, что князь действовал, исходя из интересов страны, анализ считается недостаточно глубоким, ибо не противоречит «обычному» взгляду на его политику. Если же по завершении всех «исследовательских» манипуляций оказывается, что князь бы предатель и редкий гад, то работа объявляется качественной, сделанной «нелицеприятно», на совесть. Меж тем «степень прожарки» совсем не является критерием истинности. Тем более что в качестве «жареного» скоро будет восприниматься вывод о том, что Александр Невский – действительно выдающийся государственный деятель и мужественный полководец.

Несомненно, Александр принимал непосредственное участие в формировании положения русских земель под татарским владычеством. Конечно, сложно сказать, насколько сложившаяся в итоге система была результатом его деятельности, а в каком – реализацией политики ордынских властей. Однако оценить конечный результат мы можем. Что получилось в «сухом остатке»?

Начнем с системы административного управления и взимания дани. Летописец описал становление ордынского порядка следующим образом: «Тое же зимы приехаша численници исщетоша всю землю Сужальскую и Рязаньскую, и Мюромьскую, и ставиша десятники, исотники, и тысящники и темники, и идоша в Ворду. Толико не чтоша игуменовъ, черньцовъ, поповъ, крилошанъ, кто зреть на святую Богородицу и на владыку» (ПСРЛ 1997, 474–475).

Цели монголов были, в общем-то, достаточно элементарны. Если западные католические завоеватели начинали проникновение на новые земли с того, что засылали вперед про-поведников, то монголы сразу перешли к главному – отправили численников, которые должны были пересчитать будущих плательщиков дани, и оценить размер возможной добычи. Монголы не стали придумывать для Руси никакой новой системы и устроили все примерно так же, как это было устроено в других покоренных чингизидами странах. Причем, по мнению большинства исследователей, монголы использовали для обустройства системы контроля на местах и налогообложения местные общественные институты. Определенный итог исследования этого вопроса был подведен петербургским профессором Ю. В. Кривошеевым. В своей монографии «Русь и монголы» историк пишет: «Вряд ли под десятниками, сотниками и т. д. должно понимать монгольских чиновников и, таким образом, говорить о создании разветвленной сети ордынской администрации на территории Руси, как основы властвования. Организация, основанная на десятичном принципе, действительно, существовала у монголо-татар. Она носила военно-территориальный характер. Но ведь она была присуща не только этому этносу. Не менее древние истоки она имеет, в частности, у восточных славян. Десятичное деление имело место на Руси (в том числе и Северо-Восточной) и в XI—XII вв. Первоначально сотенная система была связана с военной организацией, а затем стала выполнять судебно-административные и финансовые функции. Для большинства исследователей наличие этой системы на Руси является бесспорным фактом, хотя вопрос о его социальной природе в киевский период вызывает споры (Б. Д. Греков, С. В. Юшков, Ю. В. Бромлей, И. Я. Фроянов, Л. В. Данилова, П. П. Толочко, А. А. Горский). Видимо, с этой организацией и столкнулись татары, устанавливая данническую зависимость на Руси» (Кривошеев 2003, 176). А столкнувшись – решили использовать.

Могут возразить: не все ли равно, опиралась ли власть татарских ханов на представителей местной общинной верхушки или на приставленных к городам и весям татарских чи-новников, если они в любом случае были проводниками ханской воли?

На самом деле, разница есть, и весьма существенная. Функция десятника или сотника с точки зрения ордынских властей – обеспечение бесперебойного поступления дани. И в этом смысле, конечно, нет разницы, занимает это место местный или чужак. Но на уровне быто-вой повседневности система будет выстраиваться совершенно разными путями. Местный десятник, даже исполняя порученную ему фискальную функцию, тем не менее, останется человеком, действующим в рамках обычного права, привычных отношений, культурных стереотипов и пр. Ему будет существенно сложнее применить силу и допустить несправедливость по отношению к соседям по общине, чем татарскому сборщику даней, действующему полностью вне системы устоявшихся норм. Вооруженный татарский отряд может себе позволить гораздо больший объем насилия (иногда даже невольного и неосознаваемого), чем десятник или сотник из своих, ведь степная конница ускачет, а односельчане с топорами и вилами останутся. Кроме того, местный десятник гораздо лучше представляет реалии (в том числе, экономические) и может более гибко распределять нагрузку среди членов общины. Использование местных институций для организации сбора дани – более мягкий вариант господства, чем построение сугубо военной системы выбивания средств из покорённого населения.

Кроме того, в дальней перспективе, построение даннической зависимости при помощи элементов туземной общественно-политической организации открыло возможность не только сохранять, но и развивать эти элементы, что, в конечном итоге, способствовало развитию и становлению русской государственности на новом этапе.

Нужно понимать, что такая, относительно мягкая форма сбора дани могла сложиться только в том случае, если покоренное население проявило способность к взаимодействию и диалогу с завоевателями тогда, когда военная фаза конфликта была в целом завершена. Перейти от военного поражения к миру с наименьшими потерями – это была задача, решение которой было всецело в княжеских руках. Александр немало сделал для её решения.

Итак, из всех возможных видов зависимости «монголо-татарское иго» было, пожалуй, наиболее мягким. Понятно, что владычество иноплеменных не может быть благом ни при каком раскладе. Однако есть разница между тотальным геноцидом, после которого об исчезнувшем народе напоминают лишь обломки топонимики, и денежной данью, не исключающей возможность дальнейшего развития и перспективу собирания сил для последующего освобождения. Деятельность Александра способствовала тому того, что монголами был реализован второй из описанных вариантов.

Другой важный вопрос: действительно ли Александр использовал силы оккупантов для того, чтобы добиться власти? Вопрос непростой, однако, и не слишком сложный, если рассмотреть историю отношений князя и орды не в «вакууме», а в контексте русско-монгольских отношений той поры.

Если в качестве рабочей гипотезы принять, что Александр имел намерение использовать оккупантов для достижения личных карьерных целей, то он, как минимум, должен был по возможности скорее вступить с ними в контакт. Ибо предательство тем ценнее, чем раньше оно совершено. После того, как иго уже установлено, а Русь покорена, выражение покорности уже не было бы чем-то исключительным, ковать железо нужно пока горячо. «Плохиш» должен явиться к неприятию в числе первых, иначе нет смысла. Что же мы видим? Александр устремился к Батыю за поддержкой? Отнюдь. Установление дипломатических отношений с Ордой взял на себя его отец – Ярослав Всеволодович. А первым из сыно-вей Ярослава

путешествие в Каракорум совершил отнюдь не Александр, а его младший брат – Константин в 1243 году. «Великий князь Ярослав поеха в Татары к Батыеви, а сына своего Костянтина посла къ Канови» (ПСРЛ 1997, 470). Александр же, князь новгородский в то время, недавний победитель немецких рыцарей будто бы вообще никак с татарами связан не был. Новгородская земля, не затронутая нашествием Батя, фактически в тот моменты еще не находилась под татарским игом (Егоров 1997, 48).

Однако визита Константина Ярославича в Каракорум оказалось недостаточно. Хан потребовал, чтобы Ярослав, посетивший до этого Батю, явился и перед светлы очи верховного хана. Ярослав едет в ставку и оказывается отравлен. Казалось бы, путь к великокняжескому престолу для детей Ярослава очищен. Как должен поступить честолюбец, мечтающий добыть власть? Со всех ног устремиться в Орду за проставлением на княжение. Что же делает Александр? Едет? Нет. Более того, на приказ Тугаркины он отвечает отказом. Не самый логичный ход для искателя татарских почестей.

Может быть, в этом был какой-то неочевидный политический расчет, хитрая «многоходовочка», которая должна была задеть тонкие струны ордынской политики и дать парадоксальным образом нужный карьерный результат? Нет, не должна была, и не дала. После смерти Ярослава на велико княжеский престол восходит тот, кому и полагалось взойти согласно древне русскому принципу лествичного восхождения – младший брат Ярослава – Святослав.

Быть может, расчет Александра был в том, чтобы вести себя «тише воды – ниже травы» и тем самым завоевать расположение ордынских властей? Но и это предположение не находит опоры в источниках. Александр ведет себя как боевой и самостоятельный князь без тени подобострастия. Он не просто не поехал в Орду, оставшись на похороны отца, а устроил военную демонстрацию. Это обстоятельство отмечено В. Л. Егоровым (Егоров 1997, 48–58).

Однако князь Святослав Всеволодович пробыл великим князем владимирским недолго. Он был свергнут племянником. Александром? Нет. Никоновская летопись сообщает, что это сделал младший брат Александра – Михаил Ярославич Хоробрит: «Того же лета князь Михайло, нарицаемый Хоробритъ, сын Ярославль, внукъ Всеволожь, правнук Юрья Долгорукаго, праправнукъ Владимира Маномаха, согна съ великого княжения Владимирскаго дядю своего великого князя Святислава Всеволодичя, внука Юрья Долгорукаго, правнука Владимира Маномаха, и самъ сяде не великомъ княжении въ Володимери» (ПСРЛ 1885, 136–137). Увы, пробыть великим князем Михаилу Хоробриту довелось недолго. Он был убит в походе на Литву.

Меж тем Лаврентьевская летопись отмечает поездки русских князей в Орду. Один за другим едут Владимир Константинович, Борис Василькович, Василий Всеволодич, Михаил Черниговский с внуком Борисом. Александр Ярославич, первая поездка которого пришлась на 1247 год не был в этой череде ни первым, ни вторым, ни пятым, ни, скорее всего, десятым. И даже брат его Андрей отправляется в Орду раньше него, а Александр уже едет за ним следом: «Поеха Андрей князь Ярославич в Татары к Батыеви и Олександръкняхз поеха по брате же Батыеви» (ПСРЛ 1997, 471). Это обстоятельство свидетельствует, как минимум, о том, что приход монголо-татар князь не расценивал как возможность достичь карьерных успехов в обход общей очереди и законного порядка. Причем, поехал он туда только тогда, когда возможность не ездить окончательно была утрачена: старшее поколение сошло с исторической арены, подошло время обязательных визитов в Орду для следующей генерации князей.

В результате этой поездки Александру как старшему брату дали «Киев и всю Русскую землю», а Андрею – великое княжение Владимирское.

В общем, распределение было сделано согласно древнерусским порядкам и справедливости: киевский стол считался старше владимирского, поэтому и достался старшему брату, а владимирский, как менее престижный – младшему. Однако этот порядок был актуален для домонгольской Руси – для совсем недавнего прошлого. После разорения, вызванного нашествием Батыя, ситуация изменилась. Киев лежал в руинах. Быть киевским князем стало совсем не так хорошо, как это было еще десятилетие назад. Очевидно, монголам объяснили в самых общих чертах политическое устройство Руси в той конфигурации, которое оно имело на момент вторжения. То, что их собственная деятельность внесла в реальность существенные коррективы, вышло за пределы их внимания. Понятно, что толковать хану, что его назначение не соответствует текущей реальности и устраивать свару за столы Андрей и Александр не могли. Они приняли пожалование и вернулись на Русь.

Вернувшись домой, князья стали действовать по обстоятельствам. Андрей устроился в пожалованном Владимире, а Александр в качестве резиденции выбрал Новгород, ибо жить в разоренном монголами Киеве не было ни смысла, ни желания.

Тем временем, на Руси установилась новая политическая ситуация, в которой самым престижным и влиятельным столом был не киевский, а владимирский. Александр, конечно, не мог не испытывать некоторой досады: присужденное ему «первое место» оказалось, фактически, нулевым, а ведь он был старшим братом. Вполне понятно было бы его желание, переиграть партию и забрать актуальное на текущий момент (а не в прошлом) великое княжение. Вполне понятно, но Александр этого не делает. Он остается, фактически, новгородским князем. Именно так его и титулует в этот момент Новгородская первая летопись. Должен быть великим, а является всего лишь новгородским. Как видим, ведет себя вполне скромно.

Меж тем, в Орду направляется свергнутый Михаилом Хоробритом Святослав Всеволодич – дядя Александра и Андрея. Летопись не называет цели его поездки. Однако какая нужда могла толкнуть свергнутого и обойденного князя предпринять опасное путешествие? По мнению А. В. Экземплярского, которое разделяет и В. Л. Егоров, он ездил туда хлопотать о восстановлении на великокняжеском престоле. Ему было за что бороться, ведь весомый кусок потерял не только он сам – вместе с ним пострадал и его сын Борис, выпавший из обоймы наследников великокняжеского трона. В 1250 состоялась поездка. Однако, как пишет Экземплярский, «хотя и был принят с честью – хлопотал безуспешно» (Экземплярский 1889, 23). Ордынские власти не могли вверить ярлык князю, позволившему изгнать себя с престола. Тем более, что Святослав по средневековым меркам был уже далеко не молод. Ханская воля осталась прежней. Через два года после этой поездки Святослав скончался. Поколение окончательно сменилось.

По мнению В. Л. Егорова, кардинальный пересмотр отношения к Орде у Александра произошел, когда он совершил путешествие к Батыю. До этого князь, который жил заботами и реалиями Северной Руси не имел возможности и необходимости глубоко вникать в те изменения, которые привнесли в политическую реальность монголы: Все извенилось только в 1252 году, когда стало понятно, что номинально старшее киевское княжение в текущей ситуации является фикцией. И значит младший брат, получивший титул великого князя владимирского, в реальности стоит выше старшего. То есть, борьба Александра за Владимирский престол начинается только тогда, когда невместное с точки зрения древнерусского лестничного права восшествие на владимирский престол младшего брата Андрея уже произошло. То есть, князь «начал толкаться в очереди» на владимирский престол не до, а после того, как его собственная очередь законным порядком подошла.

В данном вопросе точка зрения В. Л. Егорова не является единственно возможной. Летопись рисует последовательность событий таким образом. 1. Александр едет в Орду, откуда возвращается с честью и старейшинством. Причем, как говорилось, старейшинство ему было уже присвоено раньше, т. е. статус не был новым. Просто был подтвержден старый. 2. Затем происходит бунт Андрея и его бегство: «здума Андреи княз Ярославич с своими бояры бега-ти нежели цесаремь служити, и побеже на неведому землю со княгынею своею, и с бояры своими» (ПСРЛ 1997, 473). Таким образом, владимирский княжеский престол оказывается пуст. Это важное обстоятельство: престол пуст. 3. В качестве наказания за бунт ордынские власти посылают на Русь царевича Неврюя (о нем не говорится в Лаврентьевской летописи, но есть подробный рассказ в более поздних летописях и в Житии). 4. Александр снова едет в Орду и возвращается оттуда уже Владимирским князем.

Последовательность эта может быть истолкована по-разному. Что было причиной Неврюевой рати? Согласно летописи – бунт Андрея. Согласно предположению В. Н. Татищева – жалоба Александра на брата (а бунт, значит, был уже реакцией Андрея, узнавшего про козни старшего брата).

То есть, ключевой пункт, разводящий две основные версии – предположение о жалобе. Понятно, что в истории русского средневековья гипотетических сюжетов немало. Однако по общему принципу «бритвы Оккама» предпочтение все-таки следует отдавать версиям, для построения которых предположений требуется меньше.

За версию с жалобой выступает общий принцип *Cui prodest?* Да, Александр из бунта брата выгоду извлек. И этим, пожалуй, исчерпываются её плюсы.

Но есть и уязвимые места, вызывающие вопросы. С чего вдруг Александр решил в 1252 году пожаловаться на брата, ведь с момента его восшествия на Владимирский престол прошло немало времени? Почему не пожаловался раньше? Почему просто не сверг его, опи-раясь на полученное от Орды старшинство (сил и опыта для этого бы ему хватило)? Зачем нужно было разрабатывать столько сложную и потому сомнительную комбинацию? Откуда вообще могла возникнуть мысль жаловаться хану? Множество мелких нестыковок лишают версию о том, что Александр навел Неврюеву рать правдоподобия. Хотя, конечно, не ликвидируют её полностью.

Решение сложных задач ордынской дипломатии не освобождало Александра от разрешения текущих проблем, которым он посвятил первую половину своей жизни: земли северо-западной Руси продолжали подвергаться опасности со стороны западных католических соседей, балтских финно-угорских племен, населявших этот регион.

В 1245 году случилось нападение литвы. Литовские племена в то время весьма существенно опередили финно-угорское население региона в плане политогенеза. Великий князь литовский Миндовг, собиратель литовских земель, был старшим современником Александра. Однако в 1245 году объединение литвы еще было далеко от завершения. Поэтому нападение 1245 года было, очевидно, предприятием каких-то самостоятельных племенных вождей. Нападающие направили свой удар в район Торжка и Бежецка. То есть, их вторжение в русские земли было весьма глубоким – не обычный приграничный набег. Оборону против литвы возглавил князь Ярослав Владимирович, тот самый, который при помощи немцев неудачно пытался вернуть себе владение отца – Псков. Как было сказано, судя по всему, после той неудачи он помирился с Александром и стал при нем служилым князем. Быть может, в качестве резиденции ему был отведен Торжок. Так или иначе, но новоторжцев в атаку на литву повел именно он.

Князь Ярослав Владимирович мужественно бросился в погоню за литовцами и догнал

их. Но дальше все пошло не слишком удачно: догнанные литовцы поколотили догнавших новоторжцев, отобрали у них коней и, взяв некоторое количество пленников, пошли дальше. Видимо, военные подвиги не были коньком этого Ярослава. Однако самому Ярославу удалось уйти от плена и попробовать атаковать литовцев еще раз. Вторично русские догнали литовцев уже гораздо большими силами. Причем, летописец упоминает князя Ярослава лишь в качестве третьего руководителя отряда повторного преследования после двух нетитулованных командиров: «Погониша по нихъ Явидъ и Ербетъ со тферичи и дмитровци, и Ярославъ с новоторжци». Очевидно, Явид и Ербет были воеводами – соответственно тверским и дмитровским. На сей раз, экспедиция закончилась удачно. Литовцы были догнаны и разбиты. Остатки разгромленного войска укрылись в городе Торопце. Победу довершило явление Александра. Причем, по словам летописца, было иссечено восемь или более «княжиц» – то есть, князьков. Понятно, это не были князья в русском понимании этого слова. Поэтому летописец и использовал уменьшительную формулу титула, которую никогда не применял для наименования потомков Рюрика. Это, видимо, были какие-то самостоятельные племенные вожди, возглавившие грабительский поход на свой страх и риск, без ведома Миндовга. После того, как литовское войско было, в общем и целом, разгромлено, Александр отпустил домой новгородское войско и устроил своеобразную «охоту» на оставшихся убегающих литовцев. Князь с дружиной догнал их у города Жижица. Догнал и добил: «и не упусти ихъ ни мужа, и ту изби избытокъ княжичъ». Очевидно, серьезной опасности разгромленные литовцы уже не представляли. Однако представления эпохи требовали добить врага, если была такая возможность. И для того, чтобы наказать за нападение, и для того, чтобы впредь не повадно было, и, не исключено, ради своеобразного воинского развлечения, дружинной тренировки (поэтому и осуществлялась операция только силами княжеского «двора», без поддержки городских формирований).

Надо сказать, Новгородская летопись не упоминает практически ни о каких татарских проблемах. Разве только сообщает, что «Поеха князь Олександр в Татары», и только. Так малыш воспринимает карьеру отца: «ушел папа на работу – пришел папа с работы», а что там, за дверями его маленького мирка происходит – ему не ведомо. Судя по летописи, новгородцы не сильно вникали в конфигурацию зависимости, установленной татарами над Русью. Во многом это стало источником проблем в дальнейшем, когда ханская власть, осваивая ресурс, который могли предоставить покоренные русские земли, добралась и до Новгорода. Новгородцы, которых князь своими дипломатическими усилиями защищал до времени от проблем, оказались психологически не готовы проявить должную покорность.

В отсутствие князя жизнь в городе как будто замерла. В 1247 году похоронили сына тысяцкого Вячеслава Прокшинича – Константина, принявшего монашество под именем Анкудин, 1248 год оставлен пуст, а в 1249 преставился новгородский епископ Спиридон, был погребен в св. Софии, а более ничего примечательного не произошло.

Но вот в 1250 году князь Александр возвращается из Орды, и снова повествование становится более развернутым.

Очередное значительное столкновение с соседями произошло в 1253 году. Причем, на этот год пришлось практически одновременное оживление активности и литвы, и немцев. Причем, синхронность эта была не случайной. К этому времени Миндовг принял христианство и был коронован как король Литвы. Таким образом, появилась база для того, чтобы стать союзником католических организаций в регионе. Действия литовцев стали подготовкой к усилению активности немцев (Хрусталев 2009, 45). Набег литовцев был отбит сыном Александра – княжичем Василием, догнавших литовский отряд вместе с новгородцами у Торопца. Литва

была разгромлена, как отмечает летописец, за кровь христианскую отомстили, полон, как полагается, взяли, и живыми-здоровыми вернулись домой.

Однако активность только разгоралась. Основной удар должны были нанести немцы. В 1253 году рижскую епархию возглавил Альберт II Зуербеер, который вскоре получил титул архиепископа. К рижскому престолу он шел довольно долго. И вот, наконец, вожделенная mitra была получена. Очевидно, новый архиепископ хотел ознаменовать вступление на престол каким-нибудь значительным военным предприятием. Этим предприятием стало нападение на Псков. «Того же лета придоша Немци подь Пльсковъ и пожгоша посадъ, но самехъ много ихъ пльсковичи биша», – сообщает новгородская летопись. То есть, поход не задался с самого начала. Посад пожгли, но потом получили от псковичей серьезный отпор. А тут и новгородцы подоспели. Понятно, что раз даже сами псковичи без помощи смогли изрядно побить епископские полки, то новгородцам дела уже практически не осталось. Немцы спаслись бегством, а у новгородцев остался неистраченный боевой пыл. Поэтому они, вернувшись в город, и, по выражению летописца, «покрутившеся», собрались, да и пошли по-ходом в Нарву. Д. Г. Хрусталеv отмечает, что с этого момента новгородцы перешли от пас-сивной тактики, предполагавшей только ответные рейды, к тактике активной – к последовательному и систематичному разорению епископских владений. В победную серию включили-лась и корела, и граждане Пскова. Из летописи понятно, что атака была направлена на земли за Нарвой. Хрусталеv отмечает, что удар был направлен на датчан, контролировавших эту территорию. Однако летописец нигде датчан не упоминает. Весь фрагмент построен как описание сражения с «немцами». Возможно потому, что для летописца этническая принадлежность врагов определялась не по языку и прочим критериям, которые связываем с этничностью мы, а по их административному подчинению. Поскольку Рига в тот момент стала центром архиепископства, то все территории (включая епископство Дерптское и пр.) стали пониматься как «немецкие». Впрочем, возможно, что летописец не вникал в тонкости административного и этнического деления противников и называл их общим для обозначения западных иностранцев термином.

Важно, что битва псковичей с немцами описана новгородским летописцем в весьма пафосных выражениях: «идоша съ пльсковичи воевать ихъ, и они противу ихъ поставиша полкъ, и победиша я пльсковичи силою креста честнаго: сами бо на себе почали оканънии преступници правды» (ПСРЛ 2000, 80). То есть, состоялась битва, имеющая черты большого сражения, с фронтальным построением и пр. Победа псковичей была истолкована как одержанная силою креста, что в образной системе летописи маркирует более высокую значимость, чем истолкование победы как результата смелости, удали и пр.

После этого поражения немцы запросили мира, который и был подписан. Таким образом, очередной раунд тяжелой борьбы был князем Александром выигран.

Библиография

1. Горский, А. А. 2004. Русь. От славянского расселения до Московского царства. М.: Языки славянской культуры.
2. Плано Карпини. Дж. 1957. История монгалов. М.: Географгиз,
3. Егоров, В. Л. 1997. Александр Невский и Чингизиды. Отечественная история. № 2. с. 48-58.
4. Житие Александра Невского, 1997. В кн. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. XIII в. с. 358-369. СПб.: Наука.
5. ПСРЛ, 1997. Т. I. М.: Языки русской культуры.

6. ПСРЛ, 1998. Т. II. М.: Языки русской культуры.
7. ПСРЛ, 2000. Т. III. М.: Языки русской культуры.
8. ПСРЛ, 1885. Т. X. СПб, Археографическая комиссия.
9. Карпов А. Ю. 2010. Александр Невский. М.: Молодая гвардия.
10. Кривошеев Ю. В. 2003. Русь и монголы. СПб.: Издательство С. -Петербургского университета.
11. Матузова В. И., Назарова Е. Л. 2002. Крестоносцы и Русь. Конец XII – 1270 г. Тексты, перевод, комментарии. М.: Индрик.
12. Послание папы Иннокентия IV князю Александру Ярославичу 15. IX. 1248. 2002. В кн. Матузова В. И. Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII – 1270 г. Тексты, перевод, комментарии. с. 268-272. М.: Индрик.
13. Хрусталёв, Д. Г. 2009. Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII-XIII вв. СПб.: Евразия.
14. Экземплярский, А. В. 1889. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Т. 1. СПб.